

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Б. В. Сапрыгин (Новосибирск, Россия)

Введение. Статья посвящена обсуждению вопроса об использовании достижений когнитивной лингвистики в сфере лингводидактики. При когнитивном подходе к обучению иностранному языку предполагается, что обучающийся осмысливает те ментальные структуры, которые управляют языковым мышлением носителя этого языка, и именно это дает ему возможность овладеть им. Однако возникают вопросы относительно как обоснованности самой когнитивной лингвистики, так и возможности использования ее для целей лингводидактики. Цель статьи – обсудить эти проблемы.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования выступают работы ряда представителей аналитической философии, посвященные вопросам сущности познания и формирования научного знания: прежде всего работы аналитических авторов, разрабатывавших свои идеи в духе эпистемологического релятивизма, конвенционализма и антиментализма.

Результаты исследования. В статье показывается, как критика ментализма может отразиться на оценке достижений когнитивной лингвистики и повлиять на использование ее выводов в лингводидактике. Обсуждаются критические замечания в адрес когнитивной лингвистики со стороны представителей разных направлений языкознания. Затем высказываются собственные критические замечания с позиции антименталистской философской методологии. Также с позиции антименталистской методологии обсуждается способ применения положений когнитивной лингвистики в сфере лингводидактики. Говорится о том, что ссылка на ментальные репрезентации при разработке и использовании когнитивных моделей в ходе учебного процесса не может считаться научно релевантной, а использование таких моделей не облегчает задачу овладения иностранным языком.

Заключение. Делается вывод о том, что когнитивный подход к преподаванию иностранного языка не вполне соответствует своему названию, поскольку не является в достаточной мере когнитивным и не отражает подлинные когнитивные процессы, происходящие в психике человека. Однако этот метод можно использовать в качестве эвристического приема, который мог бы способствовать овладению языком.

© Сапрыгин Б. В., 2021

Сапрыгин Борис Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, доцент кафедры английского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: saprygin2007@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4280-339X

Boris V. Saprygin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Associate Professor of the Department of English Language, Novosibirsk State Pedagogical University.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингводидактика, семантика, аналитическая философия, антиментализм, концептуальные модели, концептуальная метафора, экспериенциальный реализм, концепт, прототип, когнитивная структура, ментальные репрезентации.

Для цитирования: Сапрыгин Б. В. Когнитивный подход в языковом образовании: методологические замечания // Философия образования. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 23–38.

A COGNITIVE APPROACH IN LANGUAGE EDUCATION: METHODOLOGICAL OBSERVATIONS

B. V. Saprygin (Novosibirsk, Russia)

Introduction. The paper discusses the issue of applying the results of cognitive linguistics to linguodidactics. The cognitive approach to teaching a foreign language assumes that the student comprehends the mental structures that control the linguistic thinking of the native speaker of this language, and it enables him to master it. However, the question arises as to both the validity of cognitive linguistics itself and the possibility of using it for linguodidactic purposes. The aim of the article is to discuss these issues.

Methodology and methods of the research. The methodological basis of the study is the ideas of some analytical philosophers concerning the essence of cognition and the formation of scientific knowledge. They are primarily the analytical authors who developed their ideas in the spirit of epistemological relativism, conventionalism and anti-mentalism.

The results of the research. The paper shows how the criticism of mentalism can affect the assessment of cognitive linguistics and the potentialities of its use in linguodidactics. First, the critical observations on cognitive linguistics by representatives of various branches of linguistics are discussed. Then a criticism from the standpoint of the anti-mentalist philosophical methodology is expressed. It is also from the perspective of the anti-mentalist methodology that the way cognitive linguistics is applied to the field of linguodidactics is criticized. It is said that the reference to mental representations, while developing and using cognitive models in the course of educational process, cannot be considered scientifically relevant and the use of such models does not make acquiring a foreign language much easier.

Conclusion. It is concluded that the cognitive approach to teaching a foreign language does not quite correspond to its name, since it is not sufficiently cognitive and does not reflect the real cognitive processes in the human mind. However, this method can be used as a heuristic technique that could contribute to the acquisition of a foreign language.

Keywords: cognitive linguistics, psycholinguistics, linguodidactics, semantics, analytical philosophy, anti-mentalism, conceptual models, conceptual metaphor, experientialist realism, concept, prototype, cognitive structure, mental representations.

For citation: Saprygin B. V. A cognitive approach in language education: methodological observations. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 23–38.

Введение. В последнее время много говорят об использовании достижений когнитивной лингвистики в области преподавания иностранных языков. Когнитивная лингвистика позиционирует себя как новая пара-

дигма в научных исследованиях. В отличие от традиционной лингвистической парадигмы, которую можно было бы охарактеризовать как структурную, когнитивная лингвистика нацелена на исследование глубинных когнитивных механизмов, которые лежат в основе языка и управляют им (см. напр.: [1; 2]). «Когнитивная лингвистика – лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. < ... > В сферу К. Л. (когнитивной лингвистики. – Б. С.) входят “ментальные” основы понимания и продуцирования речи, при которых языковое знание участвует в переработке информации. Результаты исследований в области К. Л. дают ключ к раскрытию механизмов человеческой когниции в целом, особенно механизмов категоризации и концептуализации. Поскольку в К. Л. на явления языка, особенно на значение и референцию, смотрят через призму когниции человека, лексическая структура языка трактуется как результат взаимодействия когниции человека с семантическими параметрами, присущими данному языку...»¹.

Когнитивный подход в лингводидактике основывается на представлении о том, что языковые способности людей представляют собой проявление их общих познавательных способностей. Семантика высказывания зависит от способов ментального конструирования определенной ситуации, и именно эти способы следует донести до человека, изучающего иностранный язык. При когнитивном подходе к обучению языку предполагается, что обучающийся осмысливает ментальные структуры, которые управляют языковым мышлением носителя этого языка, и это дает ему возможность овладеть новым для него языком. Иными словами, он перенимает ментальные образы, концептуальные модели, грамматические прототипы, которые присущи носителям иностранного языка. Обучение языку при когнитивном подходе подразумевает, что обучающийся не просто заучивает слова и правила грамматики, а обучается мыслить так, как мыслит носитель языка (см., напр.: [3–5].)

Однако когнитивная лингвистика вызывает немало нареканий и критики, которая направлена на нее с разных сторон, поэтому научный статус этого направления в лингвистике не совсем ясен. Отсюда возникают вопросы: что если основные положения когнитивной лингвистики окажутся дискредитированными, а ее притязания необоснованными, возможно ли тогда будет сохранить подход, называемый в лингводидактике когнитивным, или он также будет дискредитирован? нельзя ли будет как-то переосмыслить его, чтобы не отбрасывать полностью? И еще один

¹ Демьянков В. З., Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 53.

вопрос: допустим, основные идеи когнитивной лингвистики сохранят свою научную значимость, будет ли это означать, что их можно использовать для целей лингводидактики, как на этом настаивают сторонники когнитивного подхода к преподаванию? На самом ли деле глубинные когнитивные структуры, которые предположительно вскрываются в ходе лингвистического исследования, можно эксплицировать настолько ясно и доступно, чтобы на них опираться при обучении иностранному языку? Являются ли те учебные схемы, которые предлагают сторонники когнитивного подхода к преподаванию, на самом деле отражением этих глубинных когнитивных структур?

В настоящей статье мы сделаем попытку обсудить эти вопросы и показать, что подход в лингводидактике, обозначаемый как когнитивный, несмотря на непроясненность научного статуса когнитивной лингвистики и проблематичность когнитивных схем, которые используются в преподавании, в целом можно сохранить. Но при этом, возможно, придется переосмыслить некоторые его положения.

Нам хотелось бы высказать лишь некоторые самые общие замечания методологического плана по поводу обоснованности притязаний когнитивной лингвистики и обсудить оправданность подходов к изучению языка, которые основываются на ней, а затем высказать собственные соображения относительно возможности применения ее в преподавании.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования выступают работы ряда представителей аналитической философии, посвященные вопросу сущности познания и формирования научного знания. Мы прежде всего будем опираться на работы аналитических авторов, разрабатывающих свои идеи в русле эпистемологического релятивизма, конвенционализма и антиментализма, отправным пунктом для многих из которых являются работы Л. Витгенштейна. Это особенно оправданно в свете того обстоятельства, что и сами когнитивисты, по крайней мере основоположники этого направления, ссылаются на данных аналитических авторов как на источник своего вдохновения. Мы рассмотрим, как критика ментализма в гуманитарных науках, прежде всего в сфере философии и психологии, может отразиться на оценке достижений когнитивной лингвистики и как это, в конечном счете, может повлиять на использование последней в лингводидактике.

Результаты исследования. Приступая к обсуждению проблемы, в первую очередь хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что отношение к когнитивной лингвистике в целом не является однозначным. В ее адрес все чаще раздаются критические замечания. Причем эти замечания исходят как от сторонников традиционных подходов (см., напр.: [6]), так и со стороны представителей современных «некогнитивных» направлений в лингвистике и когнитивистов, не являющихся линг-

вистами. Например, такой автор, как Bert Peeters высказывает сомнения относительно правильности самого наименования этого направления и его научности. Он утверждает, что многое в когнитивной лингвистике попросту не соответствует этому названию; настаивает на том, что когнитивная лингвистика должна быть такой лингвистикой, которая основывалась бы на достижениях когнитивной психологии, нейробиологии и тому подобных наук в своих попытках объяснить, как человеческий мозг порождает язык и как он его воспринимает. Иными словами, когнитивная лингвистика должна быть когнитивной эмпирической наукой, в то время как та дисциплина, что существует под названием когнитивной лингвистики, таковой не является (см.: [7; 8]).

Исследователи указывают, что дисциплина, называемая когнитивной лингвистикой, в действительности представляет собой псевдонауку, поскольку взгляды на работу сознания и мозга, существующие в ней, игнорируют представления современной нейронауки и основываются на научно необоснованных учениях своих духовных учителей. Представителей этой позиции также обвиняют в том, что они используют достижения других исследователей и выдают их за свои [9].

В целом отмечаются сложности, связанные с организацией научного психолингвистического подхода к лингвистическим исследованиям, в частности к исследованию метафоры. Теории метафоры, разработанные в когнитивной лингвистике, предлагают несколько гипотез относительно когнитивной сущности метафорического мышления и языка, которые были подробно исследованы психолингвистами-экспериментаторами. Однако эмпирические результаты относительно метафоры, полученные в психолингвистике, довольно сложны для интерпретации. Хотя результаты серьезных исследований подкрепляют некоторые из утверждений когнитивной лингвистики, особенно выдвигаемую ею теорию концептуальной метафоры, имеются и данные, противоречащие им, а также несколько альтернативных теорий метафоры, которые всерьез не рассматривались когнитивными лингвистами [10].

Критические замечания в адрес когнитивной лингвистики высказываются и отечественными авторами. Например, К. И. Бринев критикует базовые положения современной когнитивной лингвистики, как он сам выражается, «с позиций корреспондентной теории истины А. Тарского, а также взаимосвязанных друг с другом концепций эволюционной эпистемологии и гипотетического реализма» [11, с. 16]. Иными словами, он критикует это направление в лингвистике в отношении принятых в нем философско-методологических установок. Как отмечает К. И. Бринев, следует пересмотреть ряд утверждений Дж. Лакоффа и М. Джонсона, сделанных в духе «экспериментального реализма», например: «...истина всегда зависит от понятийной системы и метафор, которые ее структурируют.

Тем самым истина не абсолютна или объективна, она основана на понимании» [11, с. 19]. Таким образом, К. И. Бринев обращается к усовершенствованной версии корреспондентской теории истины, которая еще совсем недавно подвергалась массивной атаке со стороны релятивистских и прагматистских концепций. Судя по всему, представления когнитивных лингвистов, по крайней мере основоположников этого движения, во многом как раз и проистекают из подобных антифаундалистских (*anti-foundationalist*) учений, в то время как К. И. Бринев пытается их вернуть в лоно фаундализма.

Нам со своей стороны также хотелось бы высказать некоторые критические замечания в адрес рассматриваемого направления в лингвистике не с естественно-научной или языковедческой позиции, а с точки зрения философской методологии. Мы попытаемся обратить внимание на исходные философские и методологические установки, которые лежат в основании концепций когнитивной лингвистики. При этом, в отличие от К. И. Бринева, мы критикуем этих авторов не за их отход от классического понимания истины, пусть и в модернизированном виде, а за то, что, сославшись на определенные теории, они оказались не способными удержаться в их рамках и скатились к их упрощенной, выхолощенной версии.

Анализируя лингвистическую семантику и присущие ей подходы к анализу значения, мы замечаем, что базовой установкой многих исследователей, работающих в этой сфере, является то, что в лингвистической философии получило наименование интенционализма и ментализма (см., напр.: [12, с. 17–69]). Ментализм, и при этом достаточно ярко проявляющийся, характерен также для концепций когнитивной лингвистики. В соответствии с менталистскими взглядами языковые значения обуславливаются теми ментальными репрезентациями, что представлены в уме человека. Однако следует отметить, что ряд явлений семантики не получают объяснения с точки зрения такого подхода.

Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков в статье «К проблеме ментальных репрезентаций» делают содержательный обзор представлений когнитивистов о роли ментальных репрезентаций: «...концептуальная система человека, соотносимая с системой естественного языка, содержит: 1) “первичные” концепты, возникшие путем обобщения информации еще на довербальном уровне развития человека; это простейшие ментальные репрезентации, сложившиеся в основном в актах непосредственного восприятия мира, окружающего человека, и отражающие перцептуальный опыт этого человека; в формирующемся языке они вербализуются первыми; 2) невербальные концепты, часть которых в естественном языке так и не реализуются (по-видимому, в силу неактуальности для говорящих); 3) как “первичные”, так и позднее вербализованные концепты, начинающие служить базой для образования новых концептуальных струк-

тур, соответствующих неким воображаемым, гипотетическим и/или абстрактным сущностям, созданным их языковыми (знаковыми) определениями...» [13, с. 14]. Интересно отметить, что сами авторы, будучи знакомы с критикой таких представлений, тем не менее признают роль ментальных репрезентаций в функционировании языка, то есть соглашались с менталистскими установками.

В связи с вышесказанным привлекает внимание иной подход к семантике языка, который можно обнаружить в работах ряда авторов, принадлежащих к так называемой аналитической философии. В этой связи прежде всего следует упомянуть таких авторов, как Л. Витгенштейн, У. Куайн, Х. Патнем (см., напр.: [12; 14; 15])².

Так, в соответствии со взглядами Витгенштейна, слова не обладают самостоятельными ментальными значениями, которые можно было бы представить в виде некой незримой мыслительной ауры, обволакивающей слово и наполняющей его содержанием. Язык, по Витгенштейну, – это особого рода деятельность, очень специфическая практика. Эта практика представляет собой всего лишь один из видов деятельности в ряду других видов деятельности, характерных для людей. Она осуществляется по определенным правилам, а сами эти правила имеют общественную природу [16]. «Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы – все это *практики* (применения, институты). Понимать предложение – значит понимать язык. Понимать язык – значит владеть некой техникой» [14, с. 162].

Как следует из вышеприведенной цитаты, слово «понимание» Витгенштейн наделяет иным смыслом, отличающимся от того, который в него обычно вкладывают. «Понимание» не является, как он выражается, некой «духовной деятельностью», то есть мыслительной деятельностью в привычном смысле этого слова. Не является таковой и «понимание правила». «...Существует такое понимание правила, – говорит Витгенштейн, – которое является не *интерпретацией*, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки правилу” в реальных случаях его применения» [14, с. 163]. Следовать правилу – это «форма жизни», а не сознательная деятельность.

С одной стороны, как настаивает сам Витгенштейн, он не отвергает наличия того, что обычно именуют «душевыми процессами», – разнообразных внутренних проявлений мысли, эмоций, чувственных восприятий. И в этом смысле, говорит он, его нельзя обвинять в бихевиоризме [14, с. 184–186]. Но, с другой стороны, согласно Витгенштейну, неверно полагать, что данные феномены и составляют существо того, что обычно

² Сапрыгин Б. В. Значение невербальных когнитивных актов для формирования знания: дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2006. – 165 с.

называют «мышлением». Хотя в своем «внутреннем пространстве» человек, наученный интроспекции, и может обнаружить разнообразные явления, не они все же определяют работу языка [14, с. 129; 128; 306; 265–267; 305; 306] (см. также: [17]).

Как следует из рассуждений Витгенштейна, деятельность человека, общественная по своей природе, приводит к тому, что складываются определенные языковые правила. Эти правила надиндивидуальны. Практика подкрепляет их и позволяет им сохраняться. Коллективная практика, следовательно, выступает в качестве критерия того, что языком пользуются правильно, или, выражаясь привычным образом, критерия правильности понимания выражаемых им значений. Отсюда становится понятным знаменитое операциональное определение значения, данное Витгенштейном: «Значение слова есть его употребление» [14, с. 99].

Языковые значения в том виде, как они мыслятся в рамках парадигмы традиционной менталистской семантики, с точки зрения антименталистских концепций являются производными феноменами. Наученные совершать интроспекцию, побуждаемые к этому занятию культурными факторами, люди искусственным образом вызывают в своем уме подобные феномены во время «наряженного взглядывания» в «глубины своей души». Или же ведомые воображением, сами не отдавая себе в этом отчета, неосознанно домысливают те ментальные явления, которые, с их точки зрения, могли бы сопутствовать тому или иному употреблению языка. Естественно, что в процессе интроспекции они и обнаруживают их в качестве ментальных значений языка. И, как следует допустить, такое «домысливание» (которое и представляет собой придание значения) происходит под влиянием того, как та или иная языковая единица реально употребляется. Когда человек действует естественным образом, не занимаясь надуманным самоанализом своего сознания, в его уме ничего подобного не происходит [14, с. 97].

Согласно теории референции другого известного современного логика и философа Х. Патнема (см, напр.: [18]) неверными являются распространенные представления о значении слова, в соответствии с которыми «знание значения термина связано с пребыванием в определенном психологическом состоянии» [15, с. 169] и «значение термина (понятое как “интенционал”) определяет его экстенционал (в том смысле, что из тождества интенционалов вытекает тождество экстенционалов)» [15, с. 169]. В работе «Значение “значения”» он отвергает привычные представления о способах задания референции и говорит о том, что значения слов, воспринимаемые как «ментальные образы» в сознании человека, не могут определять референцию этих слов. По мнению Х. Патнема, «...экстенционал термина не фиксируется с помощью понятия, которое индивидуальный носитель языка имеет в своей голове, и это верно как в силу того, что

экстенционал обычно определяется *социально* (существует разделение лингвистического труда в такой же мере, как и разделение “реального” труда), так и в силу того, что экстенционал отчасти определяется *индексально*» [15, с. 202].

Антименталистские взгляды на природу человеческой деятельности можно найти и в отечественной философской литературе. Их, например, излагает такой автор, как М. А. Розов. Свою концепцию он назвал «теория социальных эстафет». Согласно этой теории человек в своей деятельности неосознанно подражает образцам деятельности других людей, но у него при этом возникает ощущение, что все это он делает сознательно. «...[Человек] действует в рамках определенных эстафет, воспроизводя соответствующие образцы. Вербализация этих образцов, то есть попытка заменить их вербальными предписаниями, – это и есть рефлексия» [19, с. 38]. Очень часто при этом оказывается, что рефлексия неверно отражает то, что происходит на самом деле. Как говорит Розов, «подлинную деятельность» человека следует отличать от «ее рефлексивного осознания» [19, с. 38].

Говоря об антиментализме, мы упомянули только наиболее фундаментальные философские концепции, в которых закладываются основы подобных теорий. Однако данные представления развиваются и в трудах многих других авторов (см., напр.: [20–22]). Нашли они отклик и в работах некоторых лингвистов. Изложение антименталистского подхода с лингвистических позиций можно обнаружить, например, в работах А. В. Кравченко (см., напр.: [23]).

В связи со сказанным сомнительно звучат слова Д. Лакоффа и М. Джонсона о том, что они движутся в русле идей Витгенштейна: «Наш взгляд на истину соответствует также ключевым элементам поздней философии Витгенштейна: представлению о категоризации как о “семейном сходстве”, отрицанию рисуночной теории значения, отрицанию компонентной теории значения и упору на зависимость значения от контекста и от нашей собственной понятийной системы» [24, с. 206]. Свой эмпиризм, довольно наивный в свете истории философии науки, когнитивисты называют «экспериментальным реализмом» [24, с. 204–206]. Но, как представляется, самое главное, а именно: антименталистский настрой учений типа витгенштейновского, было ими упущено.

Несмотря на формальную солидаризацию с идеями релятивизма, конвенционализма, отрицание ментализма («рисуночной теории значения»), мы видим, что на деле антиментализм и релятивизм этих авторов весьма поверхностный: он сводится в основном к идее о том, что достаточно устойчивые ментальные репрезентации в нашем сознании лишь внешне дополнительно детерминируются некими социально заданными образами («метафорами»), ничего не меняя в процессе познания по существу, но лишь доопределяя его в зависимости от социальных условий.

Безусловно, в эмпирически фиксируемых языковых фактах отражается что-то из того, что происходит в ментальной сфере человека. Однако разве не в меньшей степени в них должно отражаться и то, что условно можно назвать нементалистскими механизмами познания?

Выскажем теперь некоторые замечания относительно когнитивного подхода к обучению иностранному языку. При этом подходе принято ссылаться на некие ментальные образы, «картинки» (*pictures in your head*), которые определяют мышление людей, говорящих на этом языке, то есть на когнитивные структуры, которые предположительно отражаются в сознании в виде таких «картинок». Но что, если подобные менталистские представления все же необоснованны? Интроспекция давно дискредитирована как научно неверифицируемая. Что, если за языком на самом деле не стоит система ментальных репрезентаций, а те языковые высказывания, те метафоры, значение которых мы привыкли объяснять ссылкой на такие репрезентации, есть всего лишь некий «нереференциальный дискурс», «чистый синтаксис», передаваемый в виде образцов поведения и лишь находящий свое отражение в сознании в виде ментальных образов? И даже если допустить оправданность когнитивистской интерпретации, следует признать, что «когнитивные» объяснения, предлагаемые сторонниками когнитивного подхода к преподаванию, носят порой достаточно надуманный характер, а описания когнитивных структур сознания часто вызывают сомнения. Поэтому встает вопрос, насколько они релевантны с научной точки зрения и, с другой стороны, насколько они оправданны с точки зрения лингводидактики, на самом ли деле они облегчают задачу овладения иностранным языком.

Рассмотрим такой пример. А. В. Кравченко в работе «Когнитивная грамматика и методика обучения английскому языку как иностранному: дело о “временах”» предлагает следующий подход к объяснению грамматики перфекта [25]. Прежде всего он говорит о том, что разграничение понятий «неопределенный источник информации» и «определенный источник информации» составляет грамматическое значение категории вида в качестве категории, выраженной оппозицией «инфинитив/причастие». Это различие, продолжает А. В. Кравченко, лежит в основе различия в значении между простыми временами и временами сложными, то есть аналитическими временными формами. В рамках когнитивной теории времени и вида, продолжает он, два базовых концепта развития событий («событие, которое наблюдали» и «событие, о котором знают») отражают две модели репрезентации знания – феноменологическую и структурную. В одном случае источник информации о референте носит определенный характер, поскольку наблюдатель может быть установлен, в другом – неопределенный, так как никакая непосредственная идентификация невозможна. (В этом пункте А. В. Кравченко ссылается на рас-

суждения ряда англо-американских лингвистов [26].) Грамматическое значение категории вида, таким образом, можно определить как указание на источник знания относительно события, какое может быть либо определенным (основанным на наблюдении), либо неопределенным (основанным на информации, которой владеет говорящий). Следовательно, по мнению А. В. Кравченко, категория вида представляет собой одно из средств выражения очевидности. Он отмечает, что выявление этих концептуальных различий способствует овладению категориями вида и времени, давая в наше распоряжение простую трехступенчатую процедуру выбора правильной грамматической формы в любой речевой ситуации. И далее он приводит графическую схему, которая призвана облегчить усвоение перфекта обучающимися [25, с. 354–355].

Но возникает тот же вопрос: насколько такое объяснение оправданно в двух вышеупомянутых аспектах? Различие в значениях между синтетическими и аналитическими формами глагола с лингводидактической точки зрения, по-видимому, проще и правильнее ограничить указанием на включенность в состав рассматриваемых аналитических форм таких неличных форм глагола, как причастие I и II. Различие в грамматическом значении между простым настоящим или простым прошедшим временем, с одной стороны, и перфектными и длительными видовременными формами – с другой, можно условно свести к различию между грамматическими значениями личных форм глагола и его неличных форм. При объяснении данной темы это можно проиллюстрировать посредством сравнения личных глаголов в русском языке, родном языке учащихся, с русскими причастиями, затем сопоставляя их с аналогичными глагольными формами в английском. При этом можно продемонстрировать русскоязычным учащимся, как русские причастия выражают перфектность, и объяснить, как перфектность находит свое выражение в английском языке путем включения английских причастий в состав перфектных глагольных форм (ср.: [27]). Нужны ли здесь еще какие-либо дополнительные, усложняющие весь процесс обучения «когнитивные» схемы, способные порой вызвать недоумение, но вряд ли отражающие содержание сознания самих носителей английского языка, «концепты» их мышления? К слову сказать, приводимые этим автором когнитивные приемы обучения языку по своему существу должны противоречить его же собственной антименталистской критике репрезентационализма (см., напр.: [23]).

Более того, эта схема не сможет объяснить очень многие случаи употребления перфекта в английском языке. Она предназначена только для самых простых, очевидных случаев, где и традиционного объяснения было бы достаточно. Как, например, применить эту схему к такому предложению: “As I smoked a pipe before going to bed I turned over in my mind the possible reasons for which Roy might want to lunch with me” (S. Maugham).

Почему в нем вместо Past Continuous употребляется Past Simple? С помощью этой схемы невозможно будет объяснить и употребление Present Continuous в следующем предложении: "He is constantly talking over the phone". Предложенный алгоритм выбора грамматической формы в данном случае окажется бесполезным, и нам вновь придется обратиться к традиционным, «некогнитивным», объяснениям.

В связи со сказанным следует отметить, что именно грамматическая семантика английского перфекта, по-видимому, способна продемонстрировать существование нементалистских механизмов задания значения. Ранее мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что при анализе перфекта обнаруживается расхождение между тем значением перфекта, которое англоязычный человек несет в своем сознании, то есть, условно говоря, «ментальным значением» этой грамматической формы, и тем значением, которое описывается грамматистами и которое может быть обнаружено в научных трудах и учебниках, его «объективным» значением. Ментальное значение, по всей видимости, не отражает в полной мере объективно регистрируемого значения этой грамматической формы, и то, как перфект употребляется в реальных речевых ситуациях, реализуется в соответствии с неосознаваемыми самим человеком образцами, которыми он овладел в результате социально-обусловленной практики. Перфект представляет собой, по сути, то неявное знание *knowledge-how*, которое неспециалист с трудом переводит в форму эксплицитного *knowledge-that* [28].

По мере того как ребенок, овладевающий английским языком, осваивает на основе доступных ему образцов употребление перфекта, в его сознании одновременно возникают сопутствующие ментальные феномены, которые и воспринимаются как его значение. Тем не менее, согласно изложенным выше концепциям антиментализма, ментальная семантика должна пониматься как вторичное образование, которое проявляется в полной мере лишь тогда, когда появляется необходимость как-то отразить словоупотребление. Здесь можно вновь вспомнить Витгенштейна, который замечает, что ментальное значение является плодом чрезмерной концентрации на слове.

Заключение. Как показывает наше исследование, есть большие сомнения относительно того, в какой мере когнитивный подход к преподаванию иностранных языков соответствует выдвигаемым им притязаниям и вообще своему названию. Возникает сомнение, в достаточной ли мере он когнитивен, чтобы так называться, и отражает ли подлинные когнитивные процессы, происходящие в психике человека. Отсюда следует, что на вопросы, которые были заданы в начале статьи: вопросы о том, на самом ли деле глубинные когнитивные структуры можно эксплицитно изложить настолько ясно и доступно, чтобы на них опираться при обучении

иностранным языку? являются ли учебные схемы сторонников когнитивного подхода на самом деле отражением этих глубинных когнитивных структур? – следует, пожалуй, ответить отрицательно.

Как тогда относиться к так называемому когнитивному подходу к преподаванию в свете вышесказанного? Следует ли полностью отвергнуть этот подход как не отвечающий критериям научности? Или стремиться к тому, чтобы используемые в нем объяснительные модели в большей степени соответствовали ментальным структурам, которые удастся вскрыть в ходе психолингвистического исследования? (Последнее, конечно, желательно, однако вряд ли достижимо.)

С нашей точки зрения, не стоит полностью отбрасывать такой метод объяснительных моделей: его можно было бы использовать в качестве эвристического приема, который, не соответствуя в полной мере реальному положению вещей, все же мог бы служить подспорьем, своеобразным мнемоническим приемом при овладении иностранным языком. Мышлению обучающегося требуются яркие мысленные образы и понятные схемы в качестве опоры для овладения языком. Этот эвристический прием можно было бы по-прежнему продолжать называть когнитивным. Главное при этом добиться того, чтобы используемые при применении этого метода модели были понятны и эффективны.

С другой стороны, те «когнитивные» объяснения, которые предлагаются представителями когнитивного подхода к преподаванию, можно было бы переосмыслить как изложение содержания ментальных репрезентаций, что возникают в сознании носителей языка при его употреблении. Поскольку в традиционных учебниках грамматики мы обнаруживаем описание грамматических значений, которое можно назвать объективистским, полезно было бы дополнить это «объективистское» представление грамматики описанием значения грамматических форм в «субъективистском» ключе – показать обучающемуся грамматику «в сознании носителя языка», ментальные переживания по поводу грамматики обычного человека, которые часто отличаются от объективистского описания значения той или иной грамматической формы специалистом и которые влияют в какой-то мере на ее употребление. Именно этого можно было бы добиться с помощью переосмысленного когнитивного подхода. Иными словами, можно было бы представить «когнитивные» объяснения в виде описаний содержания сознания носителя языка при употреблении им той или иной языковой единицы, что позволило бы обучающимся полнее осмыслить ее семантику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Langacker R. W.** Cognitive Grammar. A basic introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 562 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022226709005799>

2. **Taylor J. R.** Cognitive Grammar. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 621 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000904216294>
3. **Langacker R. W.** The relevance of Cognitive Grammar for language pedagogy // Applications of Cognitive Linguistics: Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – P. 7–35. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0272263109990428>
4. **Tyler A.** Cognitive linguistics and second language learning. Theoretical basics and experimental evidence. – N. Y.: Routledge, 2012. – 264 p. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED530482>
5. **Bielak J., Pawlak M.** Applying cognitive grammar in the foreign language classroom. Teaching English tense and aspect. – Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. – 295 p. DOI: 10.1007/978-3-642-27455-8_5
6. **Фоменко Ю. В.** Что такое когнитивная лингвистика // Русский язык в школе. – 2013. – № 6. – С. 80–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20350463>
7. **Peeters B.** Does cognitive linguistics live up to its name? // Language and Ideology. – 2001. – Vol. 1: Theoretical Cognitive Approaches. – P. 83–106. URL: <http://www.tulane.edu/~howard/LangIdeo/Peeters/Peeters.html>
8. **Peeters B.** Cognitive musings // Word. – 1998. – No. 49 (2). – P. 225–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1998.11673884>
9. **Schwarz-Friesel M.** On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics // Language Sciences. – 2012. – No. 34 (6). – P. 656–664. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.04.007>
10. **Gibbs R. W. Jr.** The real complexities of psycholinguistic research on metaphor // Language Sciences. – 2013. – No. 40. – P. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2013.03.001>
11. **Бринев К. И.** Экспериментальный реализм в когнитивной лингвистике. Истина и опыт // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2017. – Т. 12, № 5. – С. 16–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29937871>
12. **Rorty R.** Philosophy and the Mirror of Nature. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – 439 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77b6z>
13. **Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.** К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 8–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9900464>
14. **Витгенштейн Л.** Философские работы. Ч. I. – М.: Гнозис, 1994. – 530 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008064449>
15. **Патнем Х.** Значение «значения» // Патнем Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235.
16. **Сапрыгин Б. В., Веркутис М. Ю.** О подходе к образованию в свете концепции «неявного знания» (на примере преподавания иностранного языка) // Философия образования. – 2015. – № 1 (58). – С. 126–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23000305>
17. **Сапрыгин Б. В.** Неявные менталистские допущения в философии языка Л. Витгенштейна // Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 60–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22259350>
18. **Сапрыгин Б. В.** На самом ли деле это антиментализм? Анализ представлений Х. Патнема о референции ментальных репрезентаций // Философия сознания: классика и современность. Вторые Грязновские чтения. – М.: С. А. Савин, 2007. – С. 165–172. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20042817>
19. На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском академгородке: сб. науч. статей. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. – 338 с.
20. **Dennett D. C.** Consciousness explained. – London: The Penguin Press, 1991. – 511 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S081348390000560X>
21. **Bennett M., Dennett D., Hacker P., Searle J.** Neuroscience and philosophy: brain, mind and language. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. – 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291710002230>

22. **Brooks R. A.** Intelligence without representation // *Artificial Intelligence*. – 1991. – Vol. 47. – P. 139–159. DOI: [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(91\)90053-M](https://doi.org/10.1016/0004-3702(91)90053-M)
23. **Кравченко А. В.** Эпистемологическая ловушка языка // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2016. – № 3 (41). – С. 14–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26180864>
24. **Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787071>
25. **Kravchenko A. V.** Cognitive grammar and efl methodology: the case for “tenses” // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2012. – № 14. – С. 363–366. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18563879>
26. **Кравченко А. В.** К когнитивной теории времени и вида (на материале английского языка) // *Филологические науки*. – 1990. – № 6. – С. 81–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31875279>
27. **Носенко Н. В., Сапрыгин Б. В.** Сравнительно-сопоставительный анализ при обучении грамматике иностранного языка (на примере английского перфекта) // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. – 2018. – № 3 (20). – С. 153–158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36565870>
28. **Сапрыгин Б. В.** Недостатки менталистского подхода при объяснении языковых явлений (на примере преподавания семантики английского перфекта) // *Философия образования*. – 2015. – № 6 (63). – С. 98–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25447723>

REFERENCES

1. Langacker R. W. *Cognitive Grammar. A basic introduction*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2008, 562 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022226709005799>
2. Taylor J. R. *Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2002, 621 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0305000904216294>
3. Langacker R. W. The relevance of Cognitive Grammar for language pedagogy. *Applications of Cognitive Linguistics: Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar*. Berlin: Mouton de Gruyter Publ., 2008, pp. 7–35. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0272263109990428>
4. Tyler A. *Cognitive linguistics and second language learning. Theoretical basics and experimental evidence*. New York: Routledge Publ., 2012, 264 p. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED530482>
5. Bielak J., Pawlak M. *Applying cognitive grammar in the foreign language classroom. Teaching English tense and aspect*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Publ., 2013, 295 p. DOI: 10.1007/978-3-642-27455-8_5
6. Fomenko Yu. V. What is cognitive linguistics? *The Russian Language at School*, 2013, no. 6, pp. 80–86. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20350463> (In Russian)
7. Peeters B. Does cognitive linguistics live up to its name? *Language and Ideology*, 2001, vol. 1: Theoretical Cognitive Approaches, pp. 83–106. URL: <http://www.tulane.edu/~howard/LangIdeo/Peeters/Peeters.html>
8. Peeters B. Cognitive musings. *Word*, 1998, no. 49 (2), pp. 225–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/00437956.1998.11673884>
9. Schwarz-Friesel M. On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics. *Language Sciences*, 2012, no. 34 (6), pp. 656–664. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2012.04.007>
10. Gibbs R. W. Jr. The real complexities of psycholinguistic research on metaphor. *Language Sciences*, 2013, no. 40, pp. 45–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2013.03.001>
11. Brinev K. I. The experientialist realism in cognitive linguistics. Truth and experience. *Theoretical and Applied Aspects of the Study of Speech Activity*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 16–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29937871> (In Russian)

12. Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press Publ., 2009, 439 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77b6z>
13. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z. On mental representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2007, no. 4, pp. 8–16. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9900464> (In Russian)
14. Wittgenstein L. *Philosophical works*. Part I. Moscow: Gnosis Publ., 1994, 530 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008064449> (In Russian)
15. Putnam H. The Meaning of “Meaning”. Putnam H. *Philosophy of mind*. Moscow: Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999, pp. 164–235. (In Russian)
16. Saprygin B. V., Verkutis M. Yu. On an approach to education in the light of tacit knowledge conception: the example of foreign language teaching. *Philosophy of Education*, 2015, no. 1 (58), pp. 126–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23000305> (In Russian)
17. Saprygin B. V. Implicit mentalist assumptions in Wittgenstein’s philosophy of language. *Social Sciences*, 2010, no. 3, pp. 60–68. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22259350> (In Russian)
18. Saprygin B. V. Is it really anti-mentalism? Analysis of H. Putnam’s views on the reference of mental representations. *Philosophy of mind: classic and modern. The Second Gryaznov Readings*. Moscow: S. A. Savin Publ., 2007, pp. 165–172. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20042817> (In Russian)
19. *On the shady side. Materials on the history of M. A. Rozov’s seminar on epistemology and philosophy of science in Novosibirsk Akademgorodok*: coll. of scient. articles. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk State University, 1996, 338 p. (In Russian)
20. Dennett D. C. *Consciousness explained*. London: The Penguin Press Publ., 1991, 511 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S081348390000560X>
21. Bennett M., Dennett D., Hacker P., Searle J. *Neuroscience and philosophy: brain, mind and language*. New York: Columbia University Press Publ., 2007, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291710002230>
22. Brooks R. A. Intelligence without representation. *Artificial Intelligence*, 1991, vol. 47, pp. 139–159. DOI: [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(91\)90053-M](https://doi.org/10.1016/0004-3702(91)90053-M)
23. Kravchenko A. V. The epistemological trap of language. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2016, no. 3 (41), pp. 14–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26180864> (In Russian)
24. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787071> (In Russian)
25. Kravchenko A. V. Cognitive grammar and efl methodology: the case for “tenses”. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*, 2012, no. 14, pp. 363–366. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18563879>
26. Kravchenko A. V. Towards a cognitive theory of tense and aspect. *Philological Studies*, 1990, no. 6, pp. 81–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31875279> (In Russian)
27. Nosenko N. V., Saprygin B. V. A comparative-contrastive analysis in teaching a foreign language grammar (as applied to the English perfect). *Bulletin of Omsk State Pedagogical University*, 2018, no. 3 (20), pp. 153–158. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36565870> (In Russian)
28. Saprygin B. V. The shortcomings of a mentalist approach to explaining linguistic phenomena (the case of teaching the English Perfect Tense semantics). *Philosophy of Education*, 2015, no. 6 (63), pp. 98–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25447723> (In Russian)

Received October 7, 2020

Поступила: 07.10.2020

Accepted by the editors January 15, 2021

Принята редакцией: 15.01.2021